

«МЕГАТЕНДЕНЦИИ МИРОВОГО РАЗВИТИЯ» ИЛИ «МОДЕРНИЗАЦИЯ»:
МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ДИЛЕММА

**Статья опубликована в журнале
Политические исследования, 2010, № 6, с. 76–89**

Осмысление причин и последствий разворачивающегося на наших глазах мирового экономического кризиса происходит в рамках широкого спектра научных и философских идей и методологий. Наше внимание привлекла одна из таких попыток на основе выделения тенденций мирового развития средствами макросоциологии и теоретической истории. Почти год назад весьма авторитетный в своей области отечественный философ Н.С. Розов предложил свою трактовку происходящего [Розов, 2009, Глобальный кризис]. Представленный им подход к осмыслению причин и последствий мирового кризиса является одним из наиболее заметных в отечественном социогуманитарном знании, однако, на наш взгляд, он обнаруживает серьезное познавательное противоречие.

I

В своей статье Н.С. Розов воспроизводит выделенные им ранее «мегатенденции мирового развития» [Розов, 1992, Структура цивилизации; Розов, 1998, Ценности в проблемном мире; Розов, 2000, Беседа с Тони Стивенсоном], вносит коррективы, уточняет их в связи с последним глобальным экономическим кризисом.

Мегатенденция 1, условно названная «Вестернизацией» (ранее – «Ассимиляция») связана с распространением «либертарианской и индивидуалистической идеологии», включает большинство процессов и явлений, позже названных «глобализацией». За прошедшие годы, считает автор, «Мегатенденция 1, с одной стороны, значительно усилилась, с другой стороны, стала более размытой в культурно-цивилизационном плане». Данный мегатренд проявляется в стремительном развитии мирового рынка в последние десятилетия и в значительном успехе на нем «новых индустриальных стран»: «огромную силу этого мегатренда сейчас подкрепляет Китай как экспортер глобального масштаба» [Розов, 2009, Глобальный кризис, с. 37].

Мегатенденция 2 (ранее была обозначена как «Изоляция») представлена религиозным фундаментализмом, охранительными, националистическими идеологиями. Это, по сути, протестная и изоляционистская тенденция, которая включает в себя национальные движения, а также создание союзов и блоков, противодействующих вестернизации и глобализации. В ее числе, по мнению автора, находятся подъем мусульманского фундаментализма, антизападная политика и риторика Кубы, Ирана и Северной Кореи, левый поворот в Венесуэле, отчуждение России от Запада, ее попытки создать политические и военные блоки в противовес НАТО, националистические, особенно антиамериканские, движения во множестве стран. Мегатенденция 2 не столь

глобальна, как Мегатенденция 1, но пока составляет «значимую и драматическую антитезу последней» [Розов, 2009, Глобальный кризис, с. 38].

Мегатенденция 3 была обозначена как «Многополюсное партнерство». Ее носители ориентируются на экологические, демократические, гуманистические принципы; эта тенденция требует «совершенно нового духовного обеспечения». Автор признает ее слабость, утопичность, присутствие скорее в публицистике и программах прогрессивных партий и движений развитого мира, чем в реальной политике. За прошедшие годы, констатирует автор, ее усиления не произошло. Сохраняются экологические, пацифистские и правозащитные движения, появился «альтерглобализм», но видимого успеха нет. «Последние полтора десятка лет прошли с триумфальным шествием «глобализации» – Мегатенденции 1» [Там же].

Именно с преобладанием и нарастанием Мегатенденции 1 автор связывает нынешний мировой экономический кризис, а с ее преодолением – и преодоление кризиса [Там же].

II

Со всем вышесказанным сложно спорить, но можно предположить, что «творцы» трех тенденций пронизывают все мировое сообщество. Во всех странах имеются социальные слои, посредством которых осуществляется первая тенденция (национальные производители, эффективно действующие на мировом рынке и не имеющие особых мотивов для пересмотра сложившейся модели производства и распределения), вторая (главным образом потребители рынка, чье производство, рассматриваемое в широком плане – материальное и духовное производство, производство услуг и идей, образования и др., – не находит спроса на рынке, а также субъекты, заведомо не участвующие в мировом рынке, и продавцы природного продукта – мировые поставщики сырья и энергоносителей), и третья (общественные организации, высокопрофессиональные некоммерческие субъекты рынка, экологические, пацифистские и правозащитные движения). Дальнейший ход мирового развития будет определяться соотношением этих социальных слоев – субъектов тенденций, представленных в каждой стране. Следовательно, необходим анализ ситуации в каждой из ведущих стран, а, может, и во всех, с определением позиций и оценкой состояния субъектов каждой из тенденций.

Нас в этой непростой задаче интересует вопрос о том, *что определяет в той или иной стране господство субъекта какой-либо из трех мегатенденций*. Думается, это только продвинутость страны по шкале модернизации, включая все ее аспекты. Следовательно, необходим анализ уровня развития общества с точки зрения проблемы модернизации.

Ясно, например, что Мегатенденция 1 будет осуществляться прежде всего наиболее передовыми странами, Мегатенденция 2 – наиболее отсталыми (при всем том, что субъекты всех трех мегатенденций в той или иной степени присутствуют в каждой стране). На каком уровне развития общество приходит к пониманию Мегатенденции 3 как единственно возможного пути развития человеческой цивилизации? Есть основания считать, что понимание

этого приходит только в странах с достаточно высоким уровнем развития науки, образования, культуры, социального согласия, ответственности.

Очевидно также, что соотношение социальных сил – субъектов мегатенденций 1, 2, 3 – напрямую зависит от места страны в иерархии общественного производства. Впрочем, сам автор демонстрирует понимание того, что основой Мегатенденции 3 могут стать только развитые страны: «Рано или поздно новые институты и практики обеспечения ответственности непременно появятся в передовых экономических державах (курсив наш – Д.Т.)» [Розов, 2009, Глобальный кризис, с. 45].

Следовательно, можно предположить, что мегатенденции мирового развития не только взаимопроникают и взаимообуславливают друг друга, но и исторически предшествуют одна другой. Более того, при всем нашем отношении к негативным проявлениям Мегатенденции 1 (Н.С. Розов весьма активно ее критикует, об этом речь пойдет позже) она и только она становится, станет, или может стать в будущем основой и предпосылкой Мегатенденции 3. Трудно себе представить, что доиндустриальные общества Ближнего и Среднего Востока смогут стать адекватными партнерами Запада по созданию взаимовыгодных и безопасных сетевых взаимодействий. То же самое можно сказать об обществах «незавершенной модернизации».

Нужно отметить, что в других работах Н.С. Розов не проходит мимо данного факта. «Огромные массы полуобразованной, безработной и голодной молодежи навевают на мысли не об инновациях и бурном экономическом росте, а о нелегальных миграциях, росте преступности, этнических конфликтах, уличных мятежах и складывании воинственных тоталитарных движений» [Розов, 2009, Возвращение политэкономии]. Данные аргументы приводятся к критике Дж. Голдстоуна, который «предрекает закат США и Европы с их ослабленным и стареющим населением, возлагает надежды на страны Азии, Латинской Америки и Ближнего Востока, молодое население которых, как он полагает, более готово к напряженному труду, восприимчиво к творчеству и инновациям» [Там же]. Но это почему-то не распространяется на адекватную оценку Мегатенденции 1, по отношению к которой автор отзывается весьма критически. Она, по его мнению, главный «виновник» текущего кризиса.

Отчасти с этим можно согласиться, но не стоит снимать ответственность и с субъектов Мегатенденции 2, деятельность которых очень серьезно препятствует созданию межстрановых сетей равноправного взаимодействия. И здесь мы подходим к главному для нас факту – модернизация, причем капиталистическая модернизация (история не знает какой-либо другой, завершившейся удачно, т.е. приведшей к формированию современного, способного к дальнейшему развитию индустриального общества) каждой из стран-акторов мирового геоэкономического и геополитического взаимодействия – *единственное условие складывания Мегатенденции 3*. При этом модернизация, понимаемая как процесс внутренней трансформации общества из аграрно-традиционного в современное индустриальное. И до настоящего момента этот процесс, для одних стран удачный, для других – нет, шел, начиная с эпохи Великих географических открытий и колониализма и заканчивая второй половиной XX в., именно в форме Мегатенденции 1, т.е. посредством «дикого», неуправляемого капитализма.

Здесь необходимо сказать о негативном отношении автора к концепции модернизации. Он относится к ней критически, говорит о ее предвзятости, метафизичности в том смысле, что в ней присутствуют доопытные, ненаучные привнесения. Противопоставляя ей методы исторической макро социологии [Разработка и апробация, 2001; Розов, 2000, К интегральной модели исторической динамики; Розов, 2002, Философия и теория истории; Розов, 2009, Историческая макро социология], Н.С. Розов активно применяет их в объяснении исторических реалий, в том числе нынешнего кризиса. Мы же полагаем, что концепция модернизации, несмотря на ее серьезную критику, обладает большим познавательным потенциалом. Однако понимать ее следует гибко, как этап исторической динамики, отнюдь не обязательный и не предопределенный для всех обществ.

Из положений автора вытекают не совсем верные, на наш взгляд, рекомендации. Мы можем здесь высказать в адрес Н.С. Розова то же, что он высказывает в адрес Дж. Голдстоуна [Розов, 2009, Возвращение политэкономии]. Речь идет об обвинениях в благонамеренности и благодушии. «Огромные массы молодых людей могут стать мотором роста только при особых условиях: при открытой и добротной системе образования, эффективном и легитимном государстве, уже имеющимся производственным потенциалом, доступе к капиталу, материальным ресурсам и рынкам сбыта» [Там же]. Здесь обнаруживается явно «левая» оценка проблем развивающихся стран, до сих пор не давшая ни в одной стране положительного результата. Никакие привнесенные извне технологии, блага и прочее не вырвали ни одну страну из состояния отсталости. Пример – аргументы [Мюрдаль, 1972] и действия сторонников лево-государственнического направления в проблеме модернизации, ратующих за государственное регулирование социально-экономического развития и уделяющих особое внимание внеэкономическим факторам модернизации развивающихся стран.

Смысл модернизации как трансформации аграрного общества в индустриальное состоит в собственном развитии. А это развитие как радикальная общественная трансформация встречает жесткое противодействие самого общества и, следовательно, оборачивается ростом Мегатенденции 2. Мы надеемся, что автор не полагает, что введение в Афганистане, Ираке и Палестине «добротного образования» и «доступа к рынку» остановит Талибан, примирит Хамас и Аль-Каиду. В равной мере трудно представить себе, что воинствующие политические элиты стран Ближнего и Среднего Востока добровольно откажутся от власти, влияния, от внеэкономического господства, которые обеспечивает им:

а) уровень развития их собственных обществ, являющихся, по сути, доиндустриальными (только в таком обществе возможно внеэкономическое господство военно-политической элиты);

б) реальная конфронтация с Западом, позволяющая удерживать власть, нагнетая обстановку «осажденного лагеря», дистанцируя свои страны от «магистральных путей развития цивилизации», стабильно поддерживая в обществе военно-психологическое напряжение.

И если бы речь шла только об элитах, можно было не беспокоиться по этому поводу, а дать возможность силам США и НАТО периодически свер-

гать эти элиты подобно современным проектам насаждения демократии в Ираке и Афганистане. Но в том и проблема, что господство этих политических элит в данных странах вполне закономерно, они имеют широкую политическую поддержку среди абсолютного большинства населения этих стран, и борьба против элиты на деле оборачивается для европейцев борьбой против целых народов, о чем красноречиво говорит история второй половины XX века (Корея, Вьетнам, Иран, Сомали, Ирак, Афганистан и т.д.). Успехи такой политики и такой стратегии в ряде стран (ОАЭ, Кувейт) впечатляющи, но на фоне неудач в более крупных странах представляются незначительными.

То же самое следует сказать и об обществах незавершенной модернизации (особенно большую проблему представляет Россия), где наблюдается сходная ситуация. Более того, на примере трансформации общественного сознания в России в результате, сначала, сближения с Западом и США 90-х гг., а затем – с конца 90-х – разрыва, эта ситуация весьма показательна. Любая помощь, даже самая безвозмездная (займы на реформирование экономики и конверсию, гуманитарная помощь, вывод войск из Восточной Европы и оказание материальной помощи в уничтожении запасов оружия массового поражения) расценивалась большинством населения не иначе как подрывная деятельность.

Создается устойчивое убеждение, что никакие гуманитарные программы, никакая поддержка (из этого не следует, что она не нужна), никакое развитие инфраструктуры, образования и прочих институтов не примирит беднейшие страны и не приблизит их модернизацию. Для этого вывода имеется серьезное эмпирическое подтверждение в виде отсутствия исторического прецедента. С другой стороны, завершение модернизации или существенное продвижение по данному пути, создающее в конечном итоге социальные предпосылки для возникновения акторов Мегатенденции 3, происходит только в результате внутренней трансформации обществ по пути капитализма (Япония, Турция, Индонезия, Южная Корея, Гонконг, Тайвань, Таиланд, Сингапур, Китай, Индия).

Иначе говоря, Мегатенденция 3, даже если ее нарастание возможно, образуется на основе Мегатенденции 1, и другого типа глобального геоэкономического и геополитического взаимодействия история не знает. Поэтому большое сомнение, как теоретически, так и эмпирически обоснованное, вызывают следующие надежды автора на мирный приход Мегатенденции 3: «Если же стратегии выхода из кризиса будут включать самоограничение мировых экономических элит, поддержку беднейших социальных слоев и регионов, развития соответствующей инфраструктуры, образования, гражданских институтов и проч. (в том числе с прагматической целью создания новых рынков), то гуманистическая Мегатенденция III получит статус конструктивной оппозиции внутри глобализующей Мегатенденции I» [Розов, 2009, Глобальный кризис, с. 39].

Столь же сомнительно и следующее суждение – о том, что союз Мегатенденций 1 и 3 (3-я слишком слаба, с этим следует согласиться) вместе с выстраиванием новых структур ответственности и механизмов самоограничения элит способен маргинализировать и дискредитировать Мегатенденцию 2. Пока никакие жесты доброй воли, шаги навстречу и впечатляющие успехи со-

циального и экономического развития Южной Кореи не дискредитировали северокорейский режим в глазах граждан этой страны. То же самое можно сказать о странах Ближнего Востока – ОАЭ, Кувейте в отношении Ирака, Афганистана и Палестины.

Автор грешит, не особенно утруждая себя доказательствами, негативными эпитетами в адрес капитализма как мировой системы взаимодействия. Такое априорное приписывание черноты духа и помыслов западной буржуазии было характерно для советских идеологизированных авторов, а сегодня используется антизападнической интеллигенцией как крайне левого, так и крайне правого толка. Например: «Она (Мегатенденция 3) может остаться декоративным украшением, частью глобального PR, демагогией, если стратегии выхода из кризиса будут вестись как раньше – за счет зависимых стран, средних и бедных социальных слоев» [Там же].

Тем самым, провозглашенная как политически нейтральная методология оборачивается, и, мы полагаем, не случайно, искренними сожалениями по поводу несовершенства мира и людей: «Слишком велики эгоизм и развращенность мировой экономической элиты, примыкающего к ней высшего слоя средних классов» [Там же]. Это противоречит озвученной в другой работе, и, по всей видимости, разделяемой автором установке: «Важный урок состоит в том, чтобы учиться принимать противоречия, с которыми наши умственные привычки, настроенные на целостную нравственную оценку, никак не хотят мириться. Гений и злодейство вполне даже совместны» [Розов, 2009, Возвращение политэкономии].

Наверное, стоит примириться с тем, что политическая и социально-экономическая система, способная породить Мегатенденцию 3, обладает всеми мыслимыми и немыслимыми человеческими грехами. Как не вспомнить здесь слова первого российского западника, написанные без малого две сотни лет назад: «...невзирая на все незаконченное, порочное и преступное в европейском обществе, как оно сейчас сложилось, все же царство Божие в известном смысле в нем осуществлено, потому что общество это содержит в себе начало бесконечного прогресса и обладает в зародыше и в элементах всем необходимым для его окончательного водворения в будущем на земле» [Чаадаев, 1991, с. 336].

Конечно, мы далеки от того, чтобы оценивать исторического лидера капитализма – европейское общество – как царство Божие, но смысл происходящего в первой половине XIX века от П.Я. Чаадаева не ускользнул. Эта фраза демонстрирует понимание того, что предлагаемая Западом система взаимодействия, несмотря на все ее минусы, все же способствует развитию мирового сообщества и решению его насущных проблем. Развитие глобального капитализма, которое Н.С. Розов критикует, является предпосылкой формирования того самого экономического класса, который только и способен вступать в договорные отношения, в том числе неэкономического характера, что собственно и требуется для складывания Мегатенденции 3.

Здесь необходимо обратиться к такой важной проблеме, как политизация социально-гуманитарного знания. Н.С. Розов неоднократно заявляет о своей «внеидеологической» позиции, настаивает на социальной науке вне политики и идеологии, причем как «левой», так и «правой», и в том числе и поэтому не признает концепцию модернизации в качестве научной. Это остается только приветствовать, однако это не означает, что всякая попытка научного обоснования политической позиции обречена на неудачу, как в ее идеологических задачах, так и познавательных. В ходе мировой истории человечество создает формы своей организации, которые могут оцениваться и оцениваются самим же человечеством как максимально приближенные к идеалу и как максимально удаленные от него. Хотим мы этого или нет, в наших суждениях и оценках всегда присутствует соотношение имеющегося эмпирического материала с этим идеалом, и сам Розов не может избежать такого рода высказываний и суждений, когда пишет о наличии «общезначимых ценностей». «Мои исследования в этике показали, что такой основой должно стать «ценностное сознание» как широкая рациональная платформа коммуникаций разнообразных мировоззрений (в том числе религий, идеологий, моральных систем) при твердой защите *круга общезначимых ценностей – ценностей жизни, здоровья, неприкосновенности личности, способности к экономическому самообеспечению*, а также политико-правовых и социально-экономических гарантий для этих ценностей» [Розов, 2000, Беседа с Тони Стивенсоном]. То есть фактически автор воспроизводит идею существования «базовых», «общечеловеческих ценностей», причем одновременно являющихся, как показывает наш курсив, ценностями современной западной цивилизации.

Не менее важна в этой связи и следующая цитата: «Инерция такого движения (о Мегатенденции 2 – Д.Т.) угрожает вновь отбросить нашу страну от магистрального пути цивилизационного развития» [Розов, 2009, Глобальный кризис, с. 45]. Если нет общественного идеала, если история – это плавание по безбрежному океану, то какой смысл говорить о всеобщих ценностях и о «магистральной цивилизационного развития»? Ведь и сам автор считает наиболее оптимальной для человечества, для решения его проблем Мегатенденцию 3. Откуда взялось знание того, что Мегатенденция 1 и 2 и их синтез означают гибель человечества, и знание того, что взаимовыгодное партнерство есть хорошо, а взаимная ненависть и войны – плохо?

Несмотря на наличие важных положительных моментов – выделение мегатенденций и их динамика в условиях кризиса, тезис о необходимости развития контрактного права, тезис о необходимости развития и усиления структур ответственности – впадение автора в социалистическую риторику отнюдь не случайно. Это обусловлено, как ни странно, не мировоззренчески, а *методологически*: в недооценке внутреннего исторического развития общества, его перехода от одной стадии к другой. Это конкретно и выразилось в неприятии концепции модернизации. «Подтягивание беднейших социальных слоев и отсталых мировых регионов», конечно, возможно, но это не приведет к нарастанию Мегатенденции 3. Ведь ее акторами могут быть только социальные классы и слои, способные вступать в договорные отношения. Именно этот класс в таких странах либо отсутствует, либо находится в маргинальном состоянии, а иногда в оппозиции ко всему обществу.

Из текста Н.С. Розова следует, что главной причиной слабого развития Мегатенденции 3 является комплекс отрицательных черт мировой экономической элиты, ее развращенность и безответственность. Тем самым снимается ответственность с т.н. бедных стран как экономических субъектов. Сказанное не означает, что не следует заниматься проблемой бедности и осуществлять гуманитарные программы; это означает только, что это не решает саму проблему, как не решает проблему развития экономики любая благотворительность (при всем нашем уважительном отношении к ней; это, кстати, отражено и в мировой этике: благотворительность более полезна не тому, кому дают, а тому, кто дает).

Развитие есть изменение качественных характеристик системы в результате ее внутренней динамики, а не внешнего воздействия. Смысл решения проблем «третьих стран» состоит в том, чтобы в них появился экономически способный и ответственный социальный слой, способный обеспечивать себя и страну всем необходимым. И только такой социальный слой способен вступать в договорные отношения, являющиеся квинтэссенцией Мегатенденции 3. В противном случае, в случае «подтягивания» материального уровня развивающихся стран извне, это не произойдет.

Мы вновь говорим о модернизации как радикальной общественной трансформации. Это касается и средства, предлагаемого автором – установления систем правил на каждом уровне и обеспечение контроля над их соблюдением. Эти правила якобы «будут обеспечивать ответственность экономических акторов тогда, когда отсроченные негативные последствия их действий получают «авторство» и возвратятся в виде исков от пострадавших, а соответствующие суды будут по данным правилам вменять эти иски виновникам» [Розов, 2009, Глобальный кризис, с. 40]. Историческим аналогом таких правил автор считает контрактное право.

Мы согласны с этим, однако хотелось бы высказать ряд замечаний.

Склонность недооценивать значение внутренних процессов трансформации сообществ, характерная, кстати, для многих авторов, занимающихся проблемами геополитики и геоэкономики, проявилось здесь не только в анализе мегатенденций, но и в краткой интерпретации истории контрактного права. Контрактное право, зародившись в одной стране, распространилось затем на весь мир не механически. И оно являлось не дополнением к капитализму, а его частью, было одним из его стрессовых отношений (где-то приобретая институциональное оформление, где-то нет), обусловило необходимость становления и развития способности осуществлять договорные отношения. Прав же автор в том, что снижение уровня ответственности акторов экономического взаимодействия в последние десятилетия стало причиной настоящего глобального экономического кризиса. Здесь мы не расходимся с данным автором, как и многими другими, считающими, что кризис имеет профилактическую санационную функцию для мировой системы капитализма, и, возможно, приведет к выработке механизмов, способствующих повышению ответственности акторов. Но как быть с субъектами мирового рынка, где таких акторов, способных к коррекции своей деятельности, практически нет, где, как в странах незавершенной модернизации – поставщиках сырья и ресурсов, – сложился лишь огромный социальный слой, оценивающий миро-

вую систему производства и распределения богатства исключительно с позиций потребления? В этих странах, в том числе в России, мы уверены, коррективы произойдут в сторону Мегатенденции 2, что уже обнаруживается за минувший год-полтора кризиса. Это нарастание влияния государства, складывание общественного мнения в сторону регулируемой экономики, внеэкономическая поддержка явно убыточных и неспособных к самостоятельному развитию отраслей и т.д.

Данная рекомендация исходит де-факто из того, что все мировые общества – субъекты Мегатенденций 1, 2, 3 – обладают одинаковыми возможностями своей экономической деятельности, организации и структурного взаимодействия на мировом уровне, и есть только одна, вернее, две проблемы. Это «развращенность» элит богатых стран, с одной стороны, и «нищета» бедных, с другой. Стоит только исправиться первым и подтянуть уровень жизни вторых и над миром воссияет Мегатенденция 3. Проблема же состоит в вопросе: *возможна ли эта мегатенденция при взаимодействии обществ, находящихся на разных уровнях не просто экономического, а исторического развития?*

Иначе говоря, для анализа ситуации и прогнозирования дальнейших событий необходимы наработки в области классической концепции модернизации. Глобальная историческая динамика осуществляется не безличными мегатенденциями (мы не в коей мере не возражаем против наличия данных тенденций в мировой динамике и против огромного познавательного потенциала их анализа), но реальными обществами и их социальными группами. Наиболее существенным обстоятельством в этой динамике является, на наш взгляд, не просто пусть даже гигантская разница в их экономическом развитии, следовательно, экономическом и военно-политическом потенциале, не просто в уровне удовлетворения потребностей, который хотя бы теоретически можно приблизить к западному, а прежде всего – в способах их структурной организации. Эта разница, делающая взаимодействие обществ на разных уровнях исторического развития весьма проблематичным, уже достаточно давно была предложена в понятиях «аграрное» и «индустриальное» общество, и в понятии модернизации как сложного, болезненного, чрезвычайно конфликтного и длительного исторического процесса трансформации первого во второе.

IV

Считаем в связи с этим, что некоторые прогнозы Н.С. Розова на ближайшее будущее не совсем верны. «Следует заметить, что частично риторику Мегатенденции III уже давно взяли на вооружение западные лидеры, сейчас наиболее впечатляюще она звучит в речах нового американского президента Барака Обамы. Не случайно именно к нему и к новой американской администрации обращены взоры «прогрессивной общественности», причем не только в самих США, но и в Объединенной Европе. Этот этап взаимодействия трендов можно представить в следующей метафоре: на могучее и быстро растущее древо, пусть с изломами, глобализующей и вестернизирующей Мега-

тенденции I привита тонкая веточка гуманистической Мегатенденции III» [Розов, 2009, Глобальный кризис, с. 39].

Мы не склонны на основании всего вышесказанного столь позитивно оценивать изменение внешнеполитического курса США в связи с приходом нового президента и считаем, что предыдущий курс был более обоснован. Радикальное изменение общественной системы «развивающихся стран» (к ним, конечно, не относятся Индия, Китай, Бразилия и другие, модернизация которых – лишь вопрос времени) в любом случае предполагает ликвидацию внеэкономического господства военно-политических элит. Эта задача была тесно связана с проблемой безопасности США, что показали события 11 сентября 2001 года. Действия прошлой администрации США были обусловлены необходимостью противостояния этим силам на дальних подступах, при одновременном понимании того, что договориться со значительной частью т.н. «бедных стран» невозможно. Подчас там просто не с кем было договариваться, тем более, что эти попытки не прекращались и во время открытых военных действий, как не прекращаются они в конфликте между Палестиной и Израилем. Но только для экспертов геополитики остается скрытым тот факт, что мирное решение ближневосточной проблемы при том состоянии общества (не просто уровня его материального благосостояния!), в котором находится арабская Палестина, невозможно. В то же время мы понимаем, что невозможно и военное решение этой проблемы.

Иначе говоря, договориться, т.е. создать условия для Мегатенденции 3, можно только с теми странами, где модернизация завершена, либо общество твердо встало на этот путь (Индия, Китай, Бразилия). Особенно радуется в этой связи решение МОК о проведении летней олимпиады 2016 года в Рио-де-Жанейро. Можно предположить, что это – движение навстречу двух факторов – модернизации Бразилии, ее внутреннего развития и стремления мирового сообщества к Мегатенденции 3. А если договориться нельзя, то следует как минимум пассивно способствовать модернизации этих стран (при понимании того, что этот процесс, равно как и его предпосылки, – внутренний) и одновременно оборонить себя от их агрессии, что собственно, и осуществляла администрация Дж. Буша. Поэтому, отступив от своих правил, попытаемся сделать некоторый прогноз в этой области. Скорее всего, нынешняя или следующая администрация США, столкнувшись с тем, что мягкость в отношении «бедных стран» не решает никаких проблем – ни их внутреннего развития, ни проблемы безопасности самих США, плавно или через очередную смену правящей партии, изменит курс на более жесткий. Поскольку никакое примирение военно-политических и террористических элит этих стран невозможно, война, скорее всего, вновь перейдет на территорию США, как в 2001 году, после чего и произойдет поворот к жесткому курсу. Возможно, что состав их противников изменится. Из числа жестких противников может выйти Иран, а в число откровенных врагов может войти Россия, учитывая их внутреннюю экономическую динамику, в первом случае – положительную, во втором – отрицательную. И в последующем, полагаем, этот курс будет циклически меняться. Но, что очевидно, в качестве таких противников (не экономических и военно-политических конкурентов!) не будет ни Китая, ни Индии, ни Бразилии. Это, полагаем, так же немислимо, как записать в число военных против-

ников США страны Евросоюза или Японию. Взаимодействие с этими странами будет происходить как раз по сценарию Мегатенденции 3, но возможным это становится только благодаря их модернизации.

То же самое касается «перезагрузки» в отношениях с Россией (которая, кстати, расценивается россиянами либо как лукавство врага, либо как победа над ним). Скорее всего, после некоторого периода потепления нас ждет новый виток более жесткого противостояния. Продвижение России вперед по шкале модернизации в настоящее время (примерно с конца 90-х гг.) представляется весьма сомнительным. Сложно предполагать, что общество, не способное стать субъектом Мегатенденции 1, может стать субъектом Мегатенденции 3.

Наш прогноз относительно США был бы не завершен, если бы мы оставили без внимания внутреннюю политику. Здесь, полагаем, американцев ждет такой же поворот. Поскольку меры новой администрации по борьбе с кризисом внутри страны сводятся в основном к накачиванию экономики деньгами, это сведет к минимуму санационную и профилактирующую функцию кризиса. Те эффекты, на которые рассчитывает Н.С. Розов, – усиление и совершенствование механизмов повышения ответственности экономических акторов – в достаточной мере не возникнут. Иначе говоря, экономика не перестроится и через короткое время следует ожидать повторения теперь уже более глубокого кризиса. И виной тому будет экономический и политический курс новой администрации США, на которую автор возлагает много надежд как на актора Мегатенденции 3. Как видим, вырисовывается ситуация, радикально противоположная той, которую описал наш автор.

Переходя к проблемам развития России в условиях мирового кризиса, следует отметить, что Н.С. Розов не уходит от понимания важности внутреннего развития страны. «На мой взгляд, бояться нам нужно не внешнего «империализма», который, конечно же, блюдет свою выгоду, в том числе и относительно богатой ресурсами России. Бояться нужно монополии распоряжения национальными богатствами и бесконтрольности наших же российских властей, которые всегда бесчинно выгребали из России и из Сибири в особенности все, что пользуется внешним спросом» [Розов, 2000, Беседа с Тони Стивенсоном].

Таким образом, де-факто признается приоритет внутреннего развития общества (модернизации) над внешним. Почему внутреннего? Да потому что «бесконтрольность властей», российских, или каких бы то ни было других, – признак страны недемократической, доиндустриальной как минимум в политическом аспекте. Однако здесь актуализирован исключительно социально-политический фактор (поведение элиты), а не социально-экономический (качество труда, экономическая и социальная динамика, самостоятельность, ответственность, активность и проч.). Между тем, именно низкая социальная и экономическая активность населения является главным фактором, делающим невозможной в обозримом будущем модернизацию нашей страны.

Суть нашей позиции сводится к следующему. Мы настаиваем на существовании генерального фактора исторического развития, функционально одинаково действующего во всех социальных системах всех времен. Этот фактор – экономический, и понимать его следует как главный фактор исторической динамики на наиболее важных, поворотных моментах мировой истории, радикально меняющих положение человека на планете (неолитическая революция, классовое образование и образование государства, модернизация как трансформация аграрного общества в индустриальное). И понимается нами этот фактор как необходимый. Это означает, что без этого фактора модернизации не происходит. Разумеется, на динамику и развитие обществ оказывает влияние огромное количество факторов, но наш «экономический детерминизм» в проблеме модернизации нужно понимать именно так – если нет экономической интенсификации общества, то нет и удачно завершённой модернизации. Интенсификация применяется нами к пониманию сущности модернизации. Она возникает как результат дефицита ресурсов по отношению к потребностям общества.

Следует отметить, что исследования Н.С. Розова в области теоретической истории способствовали учету многофакторности и многовариативности развития социальных систем, находящихся в данной ситуации [Розов, 2000, К интегральной модели исторической динамики], но нас эта ситуация – ситуация дефицита ресурсов – интересует как фактор, отсутствие которого *не приводит к необходимости модернизации*.

Такое понимание модернизации восходит к теории стадийного развития хозяйства, при которой каждая из стадий – новый виток интенсификации взаимоотношений природы и общества как относительно самостоятельных сфер бытия. Экономическая деятельность является механизмом взаимопроникновения и взаимодействия этих двух сфер. Следовательно, для наступления модернизации и ее предпосылок необходим дефицит ресурсов по отношению к потребностям общества. И, конечно, достаточно высокий уровень развития аграрной экономики в разных ее модификациях (азиатский способ производства, феодализм). Если этого дефицита нет, то модернизация не наступает. Это означает, что ни меры «просвещенной» элиты, ни помощь со стороны развитых стран не будут иметь ровно никакого результата в плане продвижения общества по шкале трансформации аграрного общества в индустриальное. Это выражено в *законе минимальной трансформации общественных систем*, в соответствии с которым *всякое общество меняется ровно настолько, насколько это необходимо для его дальнейшего существования*. Дань первенства в его формулировке мы отдаем отчасти гегелевской идеалистической и марксистской материалистической диалектике – развитие из противоречия, отчасти – тойнбианской формуле вызова – ответа. При этом применяться он может только к странам глобального цивилизационного значения. Это не Кувейт, не Сингапур, не Макао, не Гонконг, отчасти не Тайвань, где трансформация происходит под огромным влиянием внешнего фактора. Соотношение объекта влияния и субъекта здесь настолько велико, что трудно говорить о самостоятельном развитии вообще. Модернизацию этих стран следует рассматривать скорее как периферийную зону индустриальных об-

ществ. Что же касается стран цивилизационного значения, то всегда там, где есть успехи в модернизации, есть дефицит природных ресурсов.

Более того, этот закон не в коей мере нельзя понимать абсолютно. Генеральный фактор, о котором мы говорим, не есть абсолютный фактор, решающий все и приводящий к нужному результату с «железной необходимостью». В таком случае мы должны были бы ждать начала и успешного завершения модернизации в любой точке Ойкумены, где только достигнут относительно высокий уровень аграрного производства, есть аграрное перенаселение и дефицит природных ресурсов и жизненного пространства (такие случаи в мировой истории наблюдаются нередко уже в древности и в раннем средневековье и прежде всего на Востоке – Китай, Передняя Азия). Но это не так. Генеральный фактор – это такой фактор, без которого модернизация *не происходит*. Он определяет необходимость ее наступления, но ни в коей мере не удачного ее завершения. Все остальные факторы (культура, ментальность, геополитика, поведение политической элиты, соотношение социальных сил и прочее и др.) могут либо способствовать, либо противостоять этому процессу, но они не могут подменить собой или отменить то противоречие, которое провоцирует наступление данной необходимости. Даже при наличии данного фактора модернизация может и не быть, тем более удачно завершённой. Вопрос о том, существует ли необходимость модернизации для стран, находящихся в ситуации дефицита природных ресурсов и жизненного пространства, не стоит; эта необходимость есть. Но вопрос здесь состоит в том, что является причиной перманентного срыва модернизации (в методологии, представленной Н.С. Розовым – «порождающий механизм» [Розов, 2006, Цикличность российской политической истории]).

VI

На основании всего вышесказанного, мы можем по иному взглянуть на предсказанные автором «развилки» [Розов, 2009, Глобальный кризис, с. 42 – 44]. В соответствии с законом минимальной трансформации, российское общество не претерпит никаких прогрессивных изменений до тех пор, пока в его руках остаются практически неограниченные природные ресурсы. Следовательно, мирный путь либеральной капиталистической модернизации останется закрытым. В равной мере невозможен в современных условиях и «тоталитарный» вариант модернизации (сталинские «шарашки» были действительны только в среднеиндустриальной стадии модернизации, современное развитие может основываться исключительно на свободном труде). Поэтому «развилку» мы можем обозначить только в рамках процесса модернизации российской территории этнически иными акторами, испытывающими дефицит ресурсов в соответствии со следующими вариантами развития событий:

1. Мягкий. Российское общество и политическая элита обнаруживают способность и терпимость для формально совместного, а фактически – иностранного освоения российских природных ресурсов и, также, формально совместной, а фактически – иностранной модернизации России, этнически размываясь в притоке мигрантов из Средней Азии и Китая в условиях свободной экономической деятельности и относительно свободной политической

системы. В этом случае есть шанс сохранить территориальную целостность страны, культуру, и даже оказать серьезное культурное воздействие на реальных субъектов модернизации.

2. Жесткий. Российское общество, политическая элита и маргинальная масса демонстрируют неспособность совместной деятельности с мигрантами из Азии и европейскими партнерами, к чему есть устойчивая тенденция. Происходит свертывание экономических и политических свобод, попытка негативной мобилизации и воссоздания тоталитарной общественной системы, военный конфликт с соседями, гражданская война и территориальный раздел/распад страны, затем – та же модернизация ее частей по мягкому или жесткому сценарию. Возможно, какие-то части (в основном – густонаселенные европейские) в расчлененном виде будут способны к быстрой динамике в нужную сторону, а какие-то обнаружат явный регресс (богатые ресурсами и бедные населением Сибирь, Забайкалье, Дальний Восток).

Еще в начале текущего века в беседе с генеральным секретарем Всемирной федерации исследования будущего Тони Стивенсоном Н.С. Розов сказал: «... океан будущего – это отнюдь не гладь лазурной воды, а полная опасностей стихия. Этот сложный мир может включать и случайность, и мощные течения, и необходимость выбора в развилке путей, и следование за флагманом» [Розов, 2000, Беседа с Тони Стивенсоном]. На вопрос же, как быть, автор отвечал: «главное – это выбор ориентиров, куда плыть. Здесь основаниями могут служить идеи ценностного сознания, о которых мы говорили выше. Причем цели движения должны не только быть привлекательны для вырвавшихся вперед флагманов, но и для остальной «флотилии», трюмы которой, между прочим, заполнены сотнями миллионов голодающих». «Второе – учет закономерностей общего движения и наиболее мощных течений – это то, что я пытался раскрыть через модели мегатенденций мирового развития» [Там же].

Здесь, пожалуй, и находится ключевое противоречие, раскрывающее нашу дилемму. Если океан настолько бессистемен, хаотичен, если он – «стихия», то откуда взялись «закономерности общего движения»? Если есть закономерности, т.е. объективные основания для субъективно выделенных автором мегатенденций, то океан, оказывается, не настолько хаотичен. Таким образом, вопрос состоит лишь в степени познания этого океана. Остается только доказать, что предлагаемые средства его познания (методология Н.С. Розова) более надежны и функциональны, чем какие-либо другие.

Да и океан ли это вообще? Предложенная метафора, поскольку океан предполагает индифферентность направлений, полностью соответствует методологии исторической макросоциологии, дистанцирующейся от проблемы смысла и направленности исторического процесса, от его оценки с точки зрения уровня развития конкретных обществ, т.е. с точки зрения прогресса. Мы предлагаем иную метафору, восходящую к идеям Просвещения и классической философии, метафору «вершины», восхождение на которую бесконечно, болезненно, и, разумеется, не предопределено, но его возможность подтверждается историей человечества. Только в этом случае мы можем говорить о прогрессе, следовательно, о цели и путях ее достижения, следовательно, о

накоплении и системе, следовательно, о закономерностях и строгой детерминации истории.

ЛИТЕРАТУРА

- Мюрдаль Г. Современные проблемы «третьего мира». Сокр. пер. с англ. Общ. ред. и предисл. Р.А. Ульяновского и В.И. Павлова. – М.: Прогресс, 1972. – 767 с.
- Разработка и апробация методов теоретической истории / Под. общ. науч. ред. Н.С. Розова. – Новосибирск: Наука, 2001. – 502 с.
- Розов Н.С. 2000. Беседа с Тони Стивенсоном // Экономическая газета, <http://www.nsu.ru/filf/rozov/publ/index.htm>
- Розов Н.С. 2009. Возвращение политэкономии или потребность в исторической макросоциологии? <http://www.nsu.ru/filf/rozov/publ/index.htm>
- Розов Н.С. Глобальный кризис в контексте мегатенденций мирового развития и перспектив российской политики // Полис. 2009. № 3. – С. 34 – 46.
- Розов Н.С. Историческая макросоциология: методология и методы: Учеб. пособие / Новосиб. гос. ун-т. – Новосибирск, 2009. – 412 с.
- Розов Н.С. К интегральной модели исторической динамики // Время мира. Выпуск 1. – Новосибирск, 2000. – С. 291 – 300.
- Розов Н.С. Структура цивилизации и тенденции мирового развития. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1992. – 215 с.
- Розов Н.С. Философия и теория истории. Кн. 1. Прологомены. – М.: Логос, 2002. – 656 с.
- Розов Н.С. Ценности в проблемном мире: философские основания и социальные приложения конструктивной аксиологии. – Новосибирск, НГУ. 1998. – 292 с.
- Розов Н.С. Цикличность российской политической истории как болезнь: возможно ли выздоровление? // Полис. 2006. № 3. – С. 8 – 28.
- Чаадаев П.Я. Философические письма // Полн. собр. соч. и избран. письма. – Т. 1. – М., 1991. – С. 320 – 440.